

О поле, поле ...

КРАСОТА СПАСЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Культура принадлежит всему человечеству. Говорят, был такой случай. В Ирландии, в Дублине, при строительстве высотного здания было обнаружено превосходно сохранившееся норманнское селение. По распоряжению муниципалитета Дублина вещи были переданы в музей, а остатки домов и улиц уничтожены для возведения фундаментов строящегося здания. Но страны, считавшие себя наследницами норманнов, заявили протест.

Аналогичных случаев в разных странах бывает немало. Сходные положения повсюду. Музеи включают в себя произведения, созданные вовсе не в стране, которой они принадлежат. Голландские мастера — в США, Франции, Германии, России. Русские иконы — в музеях Швеции, Норвегии, Италии и т. д.

Большинство предметов искусства имеют своих юридических владельцев. Юридическая принадлежность в громадном большинстве случаев расходится с их историческим происхождением и общей моральной ответственностью за них не только юридических владельцев, но и тех стран, в которых они находятся.

В свое время у меня была статья, называвшаяся «Кому принадлежит история», в которой я оспаривал право градостроителей сносить в своих городах здания, менять историческое лицо заповедных зон, утверждая, что каждый исторический город России принадлежит всей стране, а в ней историческими ценностями должны распоряжаться не только все граждане, но и учитываться права наших потомков. Потомки — наследники, а мы в известном смысле опекуны этого наследства, обязанные его передать в целостности. Что значит «обязанные»? Конечно, не в юридическом смысле, а в моральном. Но моральные законы в вопросах культуры стоят значительно выше правовых норм. Конечно, право, в конечном счете, основывается не на морали, но право не может поспеть за моралью. Моральные нормы значительно выше, тоньше и ответственнее. Право только в самых общих чертах может оформить то, что требует от нас мораль, а в огромном большинстве случаев не в состоянии оформить моральные требования. Если в один несчастный день рухнет Преображенский храм в Кижях, кто будет за это в юридическом ответе? Согласно существующей практике «ослабленной законности» в вопросах охраны памятников, скорее всего — никто. Если законы все-таки будут применены, то — отдел культуры Петрозаводского облисполкома, Министерство культуры РСФСР и Министерство культуры СССР... Может быть, еще кто-то. Но ущерб будет нанесен людям, и не только в нашей стране, но и за рубежом. Кижы принадлежат всему человечеству. Это часть мировой культуры.

Я нарочно выбрал пример с Кижами, а не, скажем, с Парфеноном или Пизанской башней, ибо Кижы могут рассматриваться как сугубо национальное, народное русское произведение. Но любое народное произведение или произведение народа обязано рассматриваться как явление и ценность культуры всего человечества. И это касается не только памятника архитектуры, но и любого другого явления искусства, науки, техники, даже любого обычая (более или менее ценного), языка и т. д. Раз созданное, сотворенное, открытое, вычисленное, изобретенное, наблюденное, исполненное и т. д. явление культуры становится либо действительным достоянием культуры, либо потенциальным достоянием культуры человечества.

В культуре ничего не может быть посажено в клетку и ничто не вышло из клетки — из страны, извечно отгороженной великой китайской стеной (да не обидятся на меня китайцы — они ведь создали свою стену, чтобы защититься от нашествий, а не для того, чтобы замкнуть свою культуру в своих пределах).

Культура создается сообща. Законна гордость любого народа своими памятниками, своими изобретениями, своим фольклором, своей музыкой или литературой. Больше того, если такой гордости нет, — это признак какого-то серьезного национального неблагополучия. Гордиться народу следует и своим большим, и небольшим вкладом в культуру человечества. Ибо во всяком культурном вкладе любого народа есть нечто свое, неповторимое, а потому и особенно ценное.

Но из чего создается это неповторимое? Оно не возникает на пустом месте. Ни одна народная культура (культура народа) не создается из ничего. Материалом для новой культуры служат прежние, соседние — оседлые искусства и «непередвигающиеся» — музыка, фольклор, литература, наука, почти не знающие границ.

Взглянем на карту Европы. Сколько народов перебывало в прошлом на открытой равнине России и Украины? И каждый народ что-то оставлял свое. Что-то затем сливалось в культуре восточных славян и с помощью географического и языкового единства этого восточнославянского народа разносилось дальше и дальше, сливаясь в единую и великую культуру, захватывавшую и те территории, куда восточные славяне сами по себе не проникали. Культура идет впереди народа. Ее разносят торговцы, ремесленники, просто переселенцы, но она может проникать все дальше путем заимствований и влияний без людей — носителей этой культуры, отдельных знаний, приемов, обычаев и т. д.

Яркий пример самобытности культуры — Сицилия, — самобытности, созданной множеством перебывавших здесь народов. Финикийцы, греки, римляне, норманны, сарацины, испанцы и т. д. — все эти народы оставили здесь следы своих высочайших культур, следы, слившиеся в единое целое. Даже отдельные народы принесли сюда разные периоды своей культуры: греки, например, принесли и античность, и Византию. Чтобы ощутить единство трех тысячелетий, надо побывать в Сира-

кузах, в Палермо: увидеть храмы в Монреале и Чефалу.

Культура развивается не путем перехода на новые, «передовые» рубежи, а путем накопления. В самом деле, мы говорим, что те или иные народы оставляли следы своей культуры, влияли на другие народы и т. д. Но сама по себе культура растет, а не передвигается. Она накапливает в себе ценности и становится выше не путем перемещения, а путем приобретения ценностей. Само по себе любое культурное явление не остается безразличным к человеку: оно его перестраивает, и человек, обогащенный, становится способен создавать еще более высокие ценности. Возьмите романы Достоевского. Разве они остались в нашем сознании, ничего не изменив в нас? Разве не повлияли они на мировую литературу? Это не означает, конечно, что сразу все писатели стали не ниже или даже выше Достоевского. Во многом мы не можем даже превзойти античную литературу! Увеличился лишь предел возможностей в литературе. А слабые писатели всегда останутся.

Мы сейчас имеем в запасе нашей культуры все большие и большие возможности, потенции для творчества. Я думаю, что прогресс в культуре состоит не столько в реализации этих возможностей, сколько в их появлении благодаря удивительному, поражающему богатству человеческой культуры. Мы часто удивляемся и восхищаемся богатством природы, но почему мы не стоим в таком же изумлении перед богатством того, что создал человек? Возобновлять в памяти, хранить в памяти все то,

что сделано человеком за все тысячелетия его существования, — это уже одно является феноменом человеческой культуры и его надеждой.

Красота спасет человечество. Сложность и переплетенность вопроса об ответственности за культуру одновременно и тормоз в ее осознании, и дверь для различных способов осознания человечеством своего единства.

В самом деле, если бы общая ответственность за отдельные памятники культуры, за культуру в целом сводилась бы к ясным юридическим нормам, тогда отстаивание культуры от ее исчезновения, недооценки, злоупотребления ею и пр. в такой же мере объединяло бы страны и отдельных людей, как и разъединяло их, возбуждало бы споры или даже что-то вроде судебных процессов. Однако именно потому, что ответственность за культуру проблема нравственная, — при всех неясностях, которые могут возникать в нравственной сфере, — сама по себе нравственность только объединяет. Конечно, могут в нравственной области возникнуть вопросы — ценно или не ценно то или иное произведение (так могут возникнуть обвинения произведения в порнографии или милитаризме, в «чуждой» тому или иному обществу идеологии и т. д.), но в целом общность ответственности может только повысить эту ответственность и только в исключительных случаях привести к уничтожению памятника. Так было при сменах религий, когда памятники, связанные со старой религией, уничтожались новой. Однако в настоящее время даже и в религиозной области челове-

чество достигло известного уровня терпимости, при котором о такого рода уничтожениях уже не может идти речь. Необходимо только достигнуть еще и эстетической терпимости, которая будет помогать художникам одного направления сосуществовать с художниками другого направления. Осознание многоликости красоты облегчит осознание человечеством своего единства. Наука уже объединяет человечество. Необходимо, чтобы красота объединила человечество не менее крепко.

Итак, если культура принадлежит всему человечеству, имеет общие истоки, постоянно была связана между собой по странам и континентам, то и цель, которая стоит перед культурой, состоит в том, чтобы служить объединению. Объединению творца и воспринимающего служит произведение. Но объединяются и все воспринимающие произведение между собой, они «заражаются» общими мыслями и настроениями. Произведения искусства сильнее, чем что-либо другое, способствуют взаимопониманию между народами. Надо только осознать и пропагандировать ту мысль, что у явлений культуры нет собственников. Есть только юридические владельцы, нравственно отвечающие за них, — как бы их хранители.

Всемирная общественная организация, призванная вести наблюдение за сохранностью и доступностью памятников культуры (в самых различных ее формах), служила бы делу мира и взаимопонимания.

ВНИМАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНО

Человеческое внимание избирательно. Человек замечает то, что ему нужно. Он не «слышит» тех звуков, которые ему не нужны, не имеют для него непосредственного значения: шум улицы, если он однообразен, шум мотора. Он «услышит» лишь прекращение шума мотора, и то, если он автомобилист: прекращение привычного шума мотора несет в себе опасность — и он его уловил.

Мой отец был специалист по типографским машинам, работал в типографии им. Евгения Соколова (когда-то это была знаменитая типография Маркса). Однажды, по рассказам А. А. Косова, отец играл в шашки в столовой типографии и услышал через наборный цех, что в печатной машине неполадка.

Внимание человека улавливает значимое и не улавливает обычное. Но особенно замечается то, что таит в себе опасность, сигнализируя об опасности.

Восприятие художественных произведений тоже избирательно, особенно на первых этапах существования искусства.

«СВОЯ ТЯЖЕЛАЯ СТОРОНА»

Идея прогресса сопутствует истории человечества в ее обозримом участке (не таком большом). С конца XVIII века она имеет определяющее значение в большинстве исторических учений. В своих примитивных формах она рассматривает прошлое и настоящее как жертву,

приносимую во имя будущего. Но получилось так, что в реальной жизни она начала жертвовать будущим во имя короткого настоящего. Современная промышленность начинает «эксплуатировать будущее»: уничтожает природу, запасы полезных ископаемых, все ресурсы, которые нужны не только нам, но которые будут нужны будущим поколениям.

Теория: «Во имя будущих поколений». Практика: «Берем от природы и то, что будет нужно будущим поколениям». Так обстоит дело уже в XIX веке по всему миру. Вот что пишет В. И. Вернадский в одном письме об американской технике: «Та новая техника — американская техника, которая так много дала человечеству, имеет и свою тяжелую сторону. Здесь мы ее видели вовсю. Красивая страна обезображена. Леса выжжены, часть — на десятки верст страны — превращена в пустыню: растительность отравлена и выжжена, и все для достижения одной цели — быстрой добычи никеля».

«КАСКАД МУЗЕЕВ»

Волга известна каскадом гидроэлектростанций, но Волга не менее ценна (а может быть, и более) «каскадом музеев».

Художественные музеи Рыбинска, Ярославля, Нижнего Новгорода (Горького), Казани, Саратова, Плеса, Куйбышева, Астрахани — это целый «народный университет» по искусству для тысяч и тысяч туристов, едущих

на теплоходах. Их можно было бы так организовать, что каждый из них был бы своего рода образовательным курсом со своим особым назначением. «Можно было бы», но не надо, так как история каждого из этих музеев — уже памятник культуры своего края.

Важна история создания и пополнения каждого из музеев, и перемещать их экспонаты не следует. Их можно только пополнять — из фондов центральных музеев и за счет приобретений и пожертвований.

ПРОГУЛОЧНЫЕ ПАРКИ

У нас слишком мало включали историю садовых стилей в историю культуры. Сады бывают не только регулярные и пейзажные; это очень примитивное деление. В садовом искусстве отражается смена всех великих стилей.

Не только озеленение городов (скверы, бульвары), но и строительство больших прогулочных парков, в которых можно было бы гулять и наслаждаться переменами целый день, отвлекаться от повседневных забот — задача будущих паркостроителей.

Города растут, а площади, занятые в них прогулочными парками, катастрофически уменьшаются. Пути прогулок прерываются новым строительством. Большие цепи прогулочных парков превращаются в цепи скверов. Пример тому Ленинград и Москва.

ОХРАНЯЕМЫЙ ПЕЙЗАЖ

Надо брать под охрану не только архитектурные памятники, но и целые пейзажи, так, как это делается, например, в Шотландии, где сохраняется весь «вид» до горизонта. Выдающиеся пейзажи должны быть учтены и сохранены, как памятники культуры (человеческой и природной).

Одним из первых должна быть взята на учет вся зона города Плес на Волге. Центром пейзажной зоны следовало бы в таком случае избрать либо дом, в котором жил Исаак Левитан, либо березовую рощу на горе.

Другой охраняемый пейзаж — от земляного вала Новгорода к югу: Красное поле по правому берегу Волхова и от Новгорода до Аркаж, Витославиц и Юрьева монастыря по левому берегу Волхова.

Бородинское поле должно быть охраняемым пейзажем, а также Куликово поле, заливные луга по Десне Новгорода-Северского и Чернигова и многое другое.

Пейзажи России должны быть учтены.

О ПАМЯТНИКАХ КУЛЬТУРЫ

Мы неправильно представляем себе, что такое «памятник культуры». Это не только здание (дворец, церковь, усадьба и т. д.) — а это чаще всего целый район, улица, архитектурный и природный ландшафт. Здание строится в окружении, и это окружение крайне важно.

Невский проспект в Ленинграде — это памятник архитектуры на всем его протяжении — от Московского вокзала и до Адмиралтейства. В этих ансамблях нельзя менять даже самых скромных построек. Может быть и так, что в районе нет ни единой выдающейся постройки, а район этот в целом — памятник архитектуры.

Весь мир сейчас знает в Киеве Андреевский спуск. Он начинается от поразительной по красоте Андреевской церкви Растрелли и направляется к Подолу, все время, на всем своем протяжении, открывая замечательные виды на окружающее — на Днепр, Подол — и открываясь в своей скромной, уютной красоте. Это сочетание скромной уютиности и величественного окружения — поразительная особенность Андреевского спуска. Я не знаю в мире ни одного другого такого места. Одно сознание того, что в мире существует Андреевский спуск, наполняет меня, ленинградца, счастьем и радостью.

Надо хранить как драгоценность и самый спуск с его булыжниками и милыми, скромными домами, и все виды, которые с него открываются. Можно только слегка «улучшить» его, создавая скромные видовые площадки.

Но так повелось: незадачливые архитекторы часто стремятся «присоседиться» к старой красоте. Так проще всего себя прославить. Так проще архитектору оказаться на виду. Поэтому, вместо того чтобы создавать красоту на новом месте, взламывают старые здания и ставят свое в оправу прославленных мест. Это мы видим повсюду.

По моему глубокому убеждению, архитектор, в ведении которого находится старое, должен быть молод. Молодость больше блюдет традиции, ценит память и способна более активно блюсти старые здания, старые районы.

Никаких скрытых от глаз общественности решений, никаких рассуждений о том, что архитекторы обладают особыми профессиональными знаниями, недоступными жителям города! Это все обычные «прикрытия» для порчи наших исторических городов.

Широкого обсуждения требует от нас время — время растущей демократии и гласности.

Молодые решат, киевляне посмотрят, проверят.

Никаких гостиниц — это самый обычный и распространенный враг старого, враг красоты...

Киев для киевлян. Андреевский спуск может иметь только скромные видовые площадки, небольшое кафе — и только...

Дом Булгакова — его центр.

«ПУШКИНСКИЙ ПАРК»

Есть в Москве в пределах Бульварного кольца в буквальном смысле Пушкинский район. Определяется он не административными границами, а духовным содержанием. И рождается идея «Пушкинского парка», состоящего из нынешних бульваров, скверов, арбатских и кропоткинских переулков, ведущая нас к другому зеленому массиву в центре столицы — к парку имени Горького.

Что же это такое — «Пушкинский парк»? Прежде всего, это будущее, которое мы должны по-

строить для того, чтобы получить своеобразное Михайловское в Москве.

Уже не раз я говорил о ритмах и нагрузках нашей эпохи — эпохи НТР. Это закономерное явление в жизни человечества, но при одном непременном условии. При условии действенных эмоциональных и интеллектуальных нагрузок. Человеку в наше время, как никогда, важно периодически, не от случая к случаю, переключаться на тишину, на природу и на высокие размышления. Это не доброе пожелание, это объективная необходимость, условие, при котором мы сумеем создать нравственное здоровье, активное, психически устойчивое общество будущего.

Образ сада, эдема, образ места уединения от суеты жизни всегда, во все времена был желанным. Сейчас такой сад жизненно необходим, его надо смело вводить в самые сердцевинные части современных городов, особенно современных сверхгородов.

Такой парк, непременно имеющий пешеходные маршруты (обязательно для прогулок, а не садик для сидения на скамейках), будет способен выманить людей из квартир, чтобы они сменили бездумное, иногда бездуховное «расслабление» у телеэкрана на зеленую тишину, прогулки, размышления.

Для создания «Пушкинского парка» практически надо совсем немного. Не нужно ни сносить жилые кварталы, ни перепланировать проспекты, ни вести сложные строительные работы.

Создание парка я вижу в выполнении нескольких принципов.

Первый — тщательные работы садоводов-специалистов над превращением Тверского, Суворовского, Гоголевского бульваров в романтические парки («романтический парк» не литературный образ, а точный термин).

Второй — создание непрерывного «зеленого» пешеходного маршрута от памятника Пушкину до пушкинского музея на Кропоткинской улице.

Третий — переулки Арбата должны быть «зоной зелени и тишины» «Пушкинского парка». После уничтожения старых, малоценных построек здесь осталось много пустырей. Следует их тщательно засадить деревьями и кустарниками, составляющими фрагменты большого парка. Переулки должны стать, безусловно, пешеходными.

И наконец, четвертый принцип организации «Пушкинского парка» заключается в том, что все работники культуры, и в первую очередь сотрудники Государственного музея имени А. С. Пушкина должны принять участие в создании парка, сделав все памятные места (ведь здесь не только пушкинские — здесь и дом Гоголя, и дом Аксаковых, и дом Герцена, и дом Блока) органическими, необходимыми составными частями этой огромной зоны духовной тишины.

Все, о чем я говорю, в конце концов, не ново. Ведь были в свое время старые парки, в которых такими «опорами духа» были античные статуи, фонтаны, гроты, искусственные руины. В нашем обществе свободных людей, свободного духа — иные символы, иные святыни. И потому я убежден, что «Пушкинский парк»

будет. Дело только за тем, чтобы идея созрела в душах...

Будущее живет в делах и планах сегодняшнего дня. Скоро великая годовщина — двухсотлетие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Пусть же нашим подарком любимому поэту и себе, детям и внукам, потомкам нашим, будет «Пушкинский парк» в столице!

